

Глава 23. Чёрная роза 22

Днём Юй Суя не было.

Потому что его время на свободе было ограничено шестью часами, а «он» хотел поужинать с Чэнь Шаньванем, чтобы тот попробовал ужин, приготовленный «им», поэтому днём «он» не мог выйти.

Честно говоря, Чэнь Шаньвань не совсем понимал эту его настойчивость, но он и не слишком заострял на этом внимание.

Таким уж он был с детства, и ко многим вещам относился равнодушно. В средней школе одноклассники даже говорили, что он похож на хладнокровное животное. Потому что Чэнь Шаньваня не волновало, кто приходил и уходил. Казалось, он мог хорошо ладить с кем угодно, ведь у него был покладистый характер, но в то же время его отношения со всеми казались одинаковыми, для него любой был «прохожим».

Даже если его, казалось бы, близкий друг завтра переводился в другую школу, он спокойно принимал это.

Возможно, это из-за того, что в приюте он слишком часто сталкивался с разлукой и смертями, ведь на тот момент, когда у Чэнь Шаньваня появились первые воспоминания, приют принимал больше всего детей.

Множество детей, рождённых с проблемами, просто бросали у ворот приюта, некоторые не успевали дожидаться помощи и умирали. Особенно холодной зимой.

А те, кто всё же получал лечение, через несколько лет жизни в приюте могли столкнуться с ухудшением состояния и оказаться при смерти.

Среди них были и те, кто рос вместе с Чэнь Шаньванем, жил с ним в одной комнате, и даже из-за нехватки мест спал с ним в одной кровати.

Но и тогда Чэнь Шаньвань почти не испытывал эмоций. Даже грусти.

Он не знал, как это объяснить, просто он... не мог найти причину своего существования.

Не мог найти того чувства принадлежности, когда тебя признают, нуждаются в тебе, и не могут без тебя обойтись.

А всё потому, что пережитое с детства было словно мыльный пузырь, мираж. Нечто зыбкое и ненастоящее.

Даже если его разум мог это запомнить, происходящее не оставляло следов в его сердце.

Но...

Юй Суй был несколько иным.

После того как он убедился, что Юй Суй — тот самый старший брат из детства, даже с пробелами в памяти, Чэнь Шаньвань всё равно чувствовал, что всё реально.

Его эмоции тоже начали колебаться. Не самое приятное сравнение, но казалось, будто за все эти годы только этот момент был по-настоящему прожит.

Чэнь Шаньвань не совсем понимал.

Потому сейчас он неподвижно сидел один на диване перед панорамным окном, не понимая, зачем Юй Суй ему обо всём рассказал.

Но раз уж это случилось, он ничего не мог с этим поделать.

Он не дал никакого ответа, но Юй Суя это не волновало.

Однако... «он» явно был в хорошем настроении, покачивал головой и тихо напевал неизвестную мелодию, пока они доедали, сам вымыл посуду, а затем с улыбкой сказал, что поднимется наверх «отбывать заключение», и исчез.

М-м.

Честно говоря, в тот момент Чэнь Шаньвань не мог сказать, кто старше на одиннадцать лет: Юй Суй или он.

Но.

Чэнь Шаньвань задумался.

Если Юй Суй не разыгрывал его, то, судя по всему, Юй Суй, будучи не-человеком, в некоторых аспектах казался даже более чистым, чем люди.

Может, потому что «он» почти не сталкивался с обществом?

Чэнь Шаньвань посидел ещё немного и уже хотел пойти наверх, чтобы проштудировать учебники за второй курс, как вдруг услышал звон колокольчика.

В отличие от прежнего ощущения мурашек, на этот раз он уловил в нём нотки обиды.

Вообще, он мог бы проигнорировать его, особенно после того, как Юй Суй недавно разоблачил его чувства.

Но, стоя у лестницы под звон колокольчика, Чэнь Шаньвань всё же беззвучно вздохнул и поднялся на третий этаж.

Юй Суй тоже перестал притворяться. Когда Чэнь Шаньвань оказался в коридоре на третьем этаже, «он» прекратил свой жутковатый обряд.

При свете телефона Чэнь Шаньвань скользнул взглядом по картине с чёрной розой, всё ещё висящей в коридоре напротив лестницы, и постоянно присутствующее ощущение чужого взгляда мгновенно стало сильнее.

Чэнь Шаньваню даже привиделось, будто Юй Суй стоит там, улыбаясь и глядя на него, не скрывая одержимости во взгляде.

Чэнь Шаньвань не знал, пытался ли Юй Суй это скрыть, или же «он» сам не понимал, что, как бы «он» ни притворялся, его глаза всегда выдавали все «его» мысли.

Жажда обладания им уже переполняла «его», превращаясь в невидимые цепи, пытающиеся опутать его.

Чэнь Шаньвань отвёл взгляд и остановился у двери:

— Что случилось?

Юй Суй, казалось, не понимал, зачем Чэнь Шаньвань спрашивает, в его голосе слышно было и недовольство, и доля недоумения:

— Соскучился по тебе. Я ждал тебя так долго, а ты так и не пришёл составить мне компанию.

Чэнь Шаньвань: «?»»

Он взглянул на время. С момента, как Юй Суй оставил его, прошло меньше получаса.

— Юй Суй.

Чэнь Шаньвань собирался было отчитать Юй Суй за его поведение, но стоило заговорить, как с тихим вздохом сказал совсем другое:

— Что ж, ладно.

Чэнь Шаньвань смотрел на дверь, облепленную жёлтыми талисманами:

— Если я открою дверь, ты больше не будешь ограничен по времени?

— Нет. — Юй Суй хорошо понимал, что Чэнь Шаньвань идёт ему на уступки. «Он» улыбнулся,

— Но я всё равно смогу находиться только на этой вилле, и не смогу пойти в другие места.

Потому «он» умолял:

— А-Вань, не уходи, хорошо? Остайся здесь со мной, у меня много денег.

Чэнь Шаньвань даже не был «тронут»:

— Я не хочу быть нахлебником.

Ему не нравилось быть человеком без цели или ценности.

Словно угадав его скрытый смысл, Юй Суй тихо проговорил:

— Но я нуждаюсь в тебе. А-Вань, ты незаменим для меня. Мне нужен только ты.

Рука Чэнь Шаньваня, перебиравшая жёлтые талисманы, замерла.

Наконец он осознал, что Юй Суй похож на дьявола, знающего человеческие желания, способного с одного взгляда пронзить душу и тихим шёпотом заманить человека в расставленную «им» ловушку.

Но то, что Юй Суй увидел его насквозь, не вызвало в Чэнь Шаньване ни капли гнева или стыда,

он был абсолютно спокоен:

— Но я могу обойтись без тебя, у меня много увлечений и интересов.

Чэнь Шаньвань смотрел на древние письма на талисманах:

— Мне очень нравится моя специальность, я хочу продолжать её изучать. К тому же мне всего восемнадцать, и есть ещё много вещей, которые я хочу увидеть и понять.

Воздух на несколько секунд застыл.

Юй Суй со скрытым смыслом тихо рассмеялся:

— А-Вань, по-моему, это звучит как слова подлеца.

Чэнь Шаньвань: «?»

Он был озадачен:

— Я просто излагаю факты. Не знаю, осталось ли у тебя понимание того, что ты когда-то был человеком, или сколько у тебя ещё знаний о людях, но я должен напомнить тебе, что я человек, и в человеческом обществе каждый — самостоятельная личность.

Ему и впрямь очень хотелось той уникальности, о которой говорил Юй Суй. Чэнь Шаньвань признавал, что слова Юй Суя попали в самую точку, но это не означало, что он хочет стать повиликой*, способной лишь цепляться за других.

* 寄生 (tùsīhuā) — «повилика». Растение-паразит, которое вьётся вокруг других растений. Метафора для человека, который не может жить самостоятельно и полностью зависит от других.

Юй Сую следовало бы разозлиться.

У «него» были тысячи способов просто запереть Чэнь Шаньваня, и тогда им вообще не пришлось бы обсуждать здесь тему, вызывающую у «него» сильное раздражение.

Но это был Чэнь Шаньвань.

Юй Суй даже заподозрил, не должен ли «он» ему что-то из прошлой жизни. «Он», лишённый всяких моральных принципов, уже не человек, но всё равно постоянно уступает Чэнь Шаньваню, не в силах даже запереть его.

Его душа... словно была приручена Чэнь Шаньванем, помечена клеймом неудачника.

Юй Суй мог лишь стиснуть зубы и притвориться жалким:

— Но неужели тебе не жаль оставлять меня здесь каждый день перебирать лепестки и считать дни в ожидании твоего возвращения?

Чэнь Шаньвань слегка позабавили его слова, и уголки его губ дрогнули:

— Поэтому вместо того, чтобы решать, останусь я или нет, нам стоит разобраться с корнем проблемы.

Он перебирал каждый талисман:

— Почему ты оказался в заточении? Есть ли способ снять это ограничение?

Он говорил и снова погружался в свои мысли, бормоча:

— Если история о «возращении божества» правдива и схожа с тем, что мы изучали, то, по логике, контролировать и ограничивать тебя может только твоё сердце. Ты сказал, что та чёрная роза — твоё сердце, но я её выкопал...

Чэнь Шаньвань задумался:

— Юй Суй, твой последний шаг к становлению богом — съесть меня, есть ли здесь связь с твоим сердцем?

Юй Суй подумал, что Чэнь Шаньвань и впрямь карьерист.

«Он» вздохнул с досадой:

— Нет, о чём ты?

А?

Разве нет?

Чэнь Шаньвань предполагал, что, возможно, сердце Юй Суя было съедено им или что-то в этом роде, потому Юй Суй и должен съесть его, чтобы восстановиться.

В конце концов, так всегда происходит в мелодрамах.

Юй Суй:

— А-Вань.

«Он» казался озадаченным:

— Поменьше смотри отравляющие сознание сериалы.

Чэнь Шаньвань слегка приподнял бровь, убедившись, что все талисманы действительно одинаковы, повернулся и прислонился спиной к двери:

— Тогда объясни, в чём дело?

Неужели он снова отдал им сердце Юй Суя?

— Прежнего сердца и впрямь больше не существует.

Юй Суй опустил взгляд, глядя на тень Чэнь Шаньваня в щели под дверью, и рассеянно произнёс:

— Но, если помнишь, я говорил, что те люди, чтобы контролировать меня, использовали иные методы.

Их метод был прост — заставить Юй Суя вырастить новое «сердце».

Это было нетрудно, ведь в то время Юй Суй был не только слаб, но и уже не был человеком, всё его «тело» состояло из шипов, «ему» достаточно было просто цвести.

Рассказывая об этом, Юй Суй тихо рассмеялся, совершенно не считая, что произошедшее с ним было чудовищно:

— А-Вань, все цветы, что ты видишь, — мои сердца.

Они же и являются виновниками, удерживающими «его» здесь.

Чэнь Шаньвань почти мгновенно вспомнил, как трогал цветки: «...»

Юй Суй, словно и впрямь читая его мысли, с улыбкой сказал:

— Верно, А-Вань, ты постоянно дразнишь меня, сам того не зная.

Чэнь Шаньвань не был согласен с этими обвинениями:

— Незнание — не порок.

Но раз заточение Юй Суя не связано с ним, тогда почему становление Юй Суя богом с ним связано?

Юй Суй промычал:

— Потому что ты первый заключил со мной сделку, и я выжил благодаря тебе.

Чэнь Шаньвань никак не ожидал такого ответа, он опешил:

— Что?

Но Юй Суй встал в штыки:

— Не хочу рассказывать.

Его голос звучал отстранённо:

— В конце концов, это не самые приятные воспоминания.

— ...Юй Суй. — Чэнь Шаньвань нахмурился. — Это и мои воспоминания, я имею право знать.

Юй Суй не стал отрицать:

— Верно, но, А-Вань, именно потому, что ты сам не хочешь вспоминать, ты до сих пор не помнишь.

«Он» сделал невинное лицо:

— Я и сам очень надеюсь, что ты всё вспомнишь, как можно быстрее, тогда твои чувства ко мне станут глубже.

Юй Суй не волновало, какие именно чувства питает к «нему» Чэнь Шаньвань, будь то в основном любовь или что-то ещё, «ему» было всё равно.

«Его» волновало лишь то, привлекает ли «он» всё внимание Чэнь Шаньваня, и дарит ли Чэнь Шаньвань «ему» больше всего эмоций.

Любые, даже ненависть.

«Ему» нужны только самые сильные эмоции.

Чтобы Чэнь Шаньвань навеки запомнил «его».

.

С наступлением ночи.

С наступлением вечера Юй Суй приготовил ужин для Чэнь Шаньваня, затем составил ему компанию за трапезой, а потом «его» лимит, призванный оберегать от чрезмерного погружения, исчерпался.

Однако на этот раз Чэнь Шаньвань по собственной инициативе поднялся на третий этаж, чтобы составить компанию Юй Сую, и пробыл там до девяти вечера, после чего спустился вниз принять ванну.

Принимая ванну, Чэнь Шаньвань всё ещё размышлял о дневном разговоре.

Он заметил, что Юй Суй сказал «чувства», а не конкретно «симпатия».

Юй Суй оказался ещё более одержимым, чем он предполагал.

Выйдя из ванной, Чэнь Шаньвань вновь ощутил на себе это неуловимое, едва заметное чувство пристального взгляда.

Он замедлил шаг, и неожиданно для себя, испытал облегчение: по крайней мере, пока он мылся, Юй Суй за ним не подглядывал.

... До чего же низко пали его собственные стандарты.

Чэнь Шаньвань на мгновение устыдился самого себя, но лишь на мгновение.

Его не слишком заботило, следит за ним Юй Суй или нет; если уж на то пошло, его беспокоило лишь то, что даже когда он лёг в кровать и погасил свет, это ощущение пристального взгляда неотступно преследовало его, словно тень.

В отличие от прежних времён, когда он не знал и, привыкнув, почти не обращал внимания, теперь Чэнь Шаньвань отчётливо понимал, откуда исходит это чувство, и оно изрядно мешало ему заснуть.

Поэтому Чэнь Шаньвань вновь открыл глаза, уставившись в непроглядную тьму перед собой:

— ... Может, перестанешь на меня смотреть?

В воздухе повисла тишина.

Неизвестно, сколько длилось это противостояние, но вдруг Чэнь Шаньвань, словно вновь что-то поняв, тихо добавил:

— Юй Суй, спокойной ночи. До завтра.

На самом деле, Чэнь Шаньваню пришлось действовать наугад, но он чувствовал, что с большой долей вероятности угадает.

Ведь Юй Суй, кажется, и вправду придавал большое значение подобным вещам.

И вот ощущение взгляда постепенно исчезло, а Чэнь Шаньвань наконец смог спокойно закрыть глаза.

Чэнь Шаньвань заснул очень быстро.

Так было с детства, стоило ему лишь коснуться головой подушки, как он почти мгновенно погружался в сон, если только его не тревожили какие-то важные мысли. Однако с детства и до сих пор никакие серьёзные дела не могли его обеспокоить.

Даже во время выпускных экзаменов в средней школе Чэнь Шаньвань спал, как младенец, то же самое и на вступительных экзаменах в вуз — он стал лучшим абитуриентом провинции.

А после того, как Чэнь Шаньвань заснул, ощущение пристального взгляда вновь возникло.

Однако Чэнь Шаньвань уже ничего не чувствовал.

Тёмные, чёрные тени колючих лоз медленно поползли вверх и, как обычно, опутали

погружённого в сон Чэнь Шаньваня.

Юй Суй переплёлся с Чэнь Шаньванем своим сознанием и на мгновение замер, коснувшись его висков.

Ах.

«Он» подумал: А-Вань скоро всё вспомнит.

На самом деле тогда Юй Суй солгал, «он» не так уж сильно хотел, чтобы Чэнь Шаньвань вспоминал.

Те воспоминания, вероятно, были болезненными для Чэнь Шаньваня. Хотя «он» и не считал, что «его» человек настолько хрупок, но печаль и боль — это горькие чувства. Юй Суй не желал вкушать их через него.

Чэнь Шаньваню и вправду приснился сон.

Ему приснилось, что он вернулся в приют, в свои пять-шесть лет.

Напротив него сидел тот самый маленький братец с бинтами на глазах. Чэнь Шаньвань медленно моргнул, глядя на того, кто сидел так прямо и скованно, что напоминал бездушную марионетку, и протянул ему только что обрезанные ненужные бумажки:

— Братец, а ты ещё что-нибудь умеешь складывать?

Маленький братец не проронил ни слова, лишь пошевелил пальцами.

Он медленно сложил журавлика и положил его на ладонь Чэнь Шаньваня.

Чэнь Шаньвань улыбнулся и поместил журавлика в свою железную коробочку.

Коробочка уже вся проржавела, и открывалась с трудом. Это была старая коробочка из-под лунных пирожных, директор дала её Чэнь Шаньваню, чтобы тот хранил в ней свои «маленькие секреты».

Такая была у каждого ребёнка, а в коробочке Чэнь Шаньваня лежали одни только оригами.

Золотые слитки, лодочки, птички, цветы, зайчата, лягушата и многое другое — всё это сложил для него тот самый маленький братец.

Чэнь Шаньваню нравился этот маленький братец.

В приюте было много детей, и вообще Чэнь Шаньвань ладил с каждым, но больше всех ему нравился именно этот маленький братец. Потому что маленький братец складывал оригами только для него одного и реагировал только на его слова.

Он также отдавал ему все свои пирожные и конфеты, доедал за него нелюбимую морковь, составлял ему компанию, когда тот прогуливал занятия. И даже стирал за него нижнее бельё, которое тот не хотел стирать сам...

Поэтому Чэнь Шаньвань считал, что этот маленький братец сильно отличался от старшей сестры Кэкэ.

Маленький братец просто не мог говорить и не видел, но он прекрасно понимал, что ему говорили, просто откликался только на него одного.

После того как маленький братец появился в приюте, жизнь Чэнь Шаньваня словно наполнилась красками.

Они прекрасно ладили друг с другом, и всем было известно, какие у них близкие были отношения.

Но счастье длилось недолго. Однажды ночью маленький братец, с которым они спали на одной кровати в обнимку, внезапно поднялся, схватил его за руку и, казалось, хотел куда-то увести.

Хотя Чэнь Шаньвань иногда бывал немного озорным, в глубине души он был послушным ребёнком, и согласно правилам приюта, ночью нельзя было бродить по территории, поэтому он удержал маленького братца:

— Братец?

И тихо добавил:

— Нам нельзя выходить из комнаты.

Маленький братец ничего не ответил, лишь потянул его к выходу.

Он выглядел худым и тщедушным, но сила в его руках оказалась неожиданно велика. Однако в конечном счёте Чэнь Шаньвань заметил всё слишком поздно, и когда они бесшумно приоткрыли дверь, они столкнулись в лоб с директором.

Чэнь Шаньвань опешил и по привычке захотел прикрыть маленького братца:

— Мама, я хочу в туалет, но немного боюсь темноты, поэтому попросил братца составить мне компанию.

Он поднял голову, взглянул на директора и в кромешной тьме увидел её леденящий взгляд.

А из уст директора он услышал то, что совершенно не понимал:

— ... Они говорили, что ты — другой. Похоже, это правда.

Чэнь Шаньвань пребывал в растерянности, пока маленький братец не заслонил его собой и не стал медленно отталкивать назад.

Он совершенно не понимал, о чём говорила директор, и вдруг заметил предмет в её руке, который в тёмном коридоре от скудного лунного света отсвечивал леденящим блеском.

Это был нож.

Мама-директор сама говорила, что нож — опасный предмет, его нельзя показывать перед ними...

Кстати говоря, сегодня в этой комнате были только он и маленький братец, все остальные пошли на медосмотр.

Их делили на группы для осмотра. У Чэнь Шаньваня не было никаких физических недостатков, просто он часто болел, организм был слабым, поэтому его всегда ставили в самый конец.

В голове у Чэнь Шаньваня царил хаос, в тот миг его способность мыслить прорвала некоторые оковы, проявив не свойственную пяти-шестилетнему ребёнку проницательность, но всего лишь на чуть-чуть.

Чэнь Шаньвань инстинктивно почувствовал опасность и крепко сжал руку маленького братца.

Директор медленно шаг за шагом приближалась, словно охотник, загнавший добычу в тупик, она всем своим видом излучала неторопливую уверенность:

— Ваньцзай*, иди сюда, к маме.

* 崽 (wǎn zǎi), где 崽 (zǎi) — уменьшительно-ласкательный суффикс, часто используемый в южнокитайских диалектах (особенно кантонском и миньнаньском), обозначающий мальчика,

паренька, ребёнка или просто молодого человека. В путунхуа (стандартном мандарине) такое употребление тоже встречается, но чаще в региональных или аффективных формах обращения. Можно понимать, как - Малыш Вань.

Она думала, что всё ещё может очаровать Чэнь Шаньваня, а может, просто настороженно следила за присутствием другого «существа»:

— Тот, за кого ты держишься, не человек, а чудовище.

Чэнь Шаньвань ни капли ей не верил:

— Чудовищ не существует.

Директор, казалось, нашла это смешным, и, не колеблясь, занесла нож и рубанула!

Юноша пару раз увернулся вместе с Чэнь Шаньванем, и в состоянии невообразимого страха в нём родилось непонятное ему самому спокойствие.

Он размышлял, зачем директор нападает на них, думал... как маленький братец, который не видит, уворачивается?

Директор, в конце концов, была взрослой, а юноша почему-то казался очень слабым, и когда директор вновь принялась рубить ножом направо и налево, в открытое окно влетела жёлтый бумажный амулет и попал юноше прямо в плечо.

В тот миг мировоззрение Чэнь Шаньваня перевернулось.

Он ясно увидел, как синее пламя охватило плечо юноши, но следом не последовало обугливание кожи и плоти, вместо этого половина плеча его маленького братца... просто превратилась в клубок переплетённых, словно корчащихся в муках, колючих ветвей.

От чрезмерной боли юноша рухнул на колени, он хотел поднять руку, чтобы прикрыть своё плечо, но не мог, а из его горла вырывались странные звуки:

— Хх... хх...

Чэнь Шаньвань, по правде говоря, был напуган.

Он совершенно не понимал, почему произошла эта внезапная перемена, но, увидев, что на его любимом братце запылал огонь, он, почти не раздумывая, бросился вперёд и обнял юношу.

Чэнь Шаньвань своим телом погасил пламя.

А тем временем в окно влез мужчина.

Он смотрел на обнимающего юношу Чэнь Шаньваня, на лице которого уже читались тревога и беспокойство, крепко прижимавшего к себе того, чьё плечо было обожжено до сморщенных, явно утративших жизнеспособность колючих ветвей. В его глазах не было ни капли сочувствия или жалости, лишь высокомерное снисхождение, даже, можно было сказать, что он смотрел не на человека, а, скорее на предмет, которым можно распорядиться по своему усмотрению, на мясо, висящее на крюке в ожидании покупателя.

Взгляд этого мужчины был неприятен Чэнь Шаньваню.

Он крепче обнял юношу, чьё дыхание стало едва заметным, щека маленького братца прижалась к его шее, а обильно выступивший холодный пот на его шее, был влажным и липким.

Мужчина, заметив взгляд Чэнь Шаньваня, с удивлением приподнял бровь:

— Это его не напугало? У него, неожиданно, крепкий характер... Если вырастить, будет силён, но, пожалуй, с контролем возникнут проблемы.

Директор сжала рукоять ножа и посмотрела на мужчину:

— Ты хочешь взвинтить цену?

Видимо, считая, что двое детей ни на что не способны, они принялись обсуждать дело прямо при них.

Мужчина тихо рассмеялся:

— Я могу и не поднимать цену, пусть всё остаётся, как есть. Решай, стоит ли оно того.

Он предупредил директора:

— Его душа куда сильнее, чем у того, кто случайно забрёл к вам, иначе он не смог бы вырвать у «него» сердце, и даже...

Взгляд мужчины переместился на чёрную розу, стоявшую у кровати Чэнь Шаньваня:

— ...Смог бы вырастить её.

Он прищурился:

— Эта душа... Мой учитель, практикуя столько лет, вероятно, не достиг и одной тысячной её части. Если удастся взрастить её, возможно, она сможет повлиять на весь мир.

Директор сглотнула слюну:

— ...Мне нет дела до всего мира.

Мужчина усмехнулся:

— Знаю, ты просто хочешь, чтобы он помог тебе продолжить работу приюта, и чтобы твои дети росли здоровыми. Я же многого не прошу, просто если ты его вырастишь, я разделю его надвое, и половину оставлю тебе — достаточно, чтобы исполнить твои незатейливые желания.

Директор нахмурилась.

Мужчина внимательно разглядывал её лицо и с насмешкой произнёс:

— Неужели ты боишься, что ему будет больно? Ты вообще понимаешь, что тебе предстоит сделать? Сейчас тебе придётся собственноручно выколоть ему глаза, обездвижить его конечности, вскрыть его сердце, чтобы поместить туда «тотем», а затем закопать заживо. По сравнению с этим, разделить его пополам после того, как он станет богом, — сущая безделица.

Чэнь Шаньвань смотрел на них в оцепенении.

Он понимал каждое произнесённое ими слово, и в то же время, совсем не понимал.

Чэнь Шаньвань посмотрел на директора, и с оттенком беспомощности в голосе позвал:

— Мама...?

Директор тут же сжала рукоять ножа ещё крепче, вонзив ногти в собственную ладонь.

Она повернулась к Чэнь Шаньваню и хриплым голосом сказала:

— Ваньцзай, не вини меня. Ты ведь тоже любишь всех, правда? Если принести в жертву лишь тебя одного, братец Хаохао, сестрёнка Нини и остальные смогут выжить. Ты же видел, как они мучаются...

Чэнь Шаньваня и юношу загнали в угол, не оставив возможности сбежать, и он мог лишь стиснуть зубы:

— Нет.

Он смотрел на директора, крича тонким детским голоском:

— Это лишь твоё мнение! Моя жизнь принадлежит только мне! Решать, отдавать её тебе или нет, могу только я!

Однако директор была глуха к его словам:

— Прости...

Она резко занесла нож, готовясь рубануть, но в тот же миг другая рука юноши внезапно превратилась в колючие ветви, несколько из них блокировали нож директора, а другие стремительно похитили чёрную розу, тихо распутившуюся неподалёку.

Мужчина, потрясённый, доставая бумажные амулеты, крикнул:

— Остановите его! Если он поглотит своё собственное сердце, то превратится в настоящего монстра, и тогда мы потеряем контроль...

Его слова оборвались.

Потому что юноша сунул ту самую чёрную розу прямо в рот Чэнь Шаньваню.

С невероятным изумлением, вытаращив глаза, мужчина смотрел на двоих детей:

— Ты с ума сошёл?!

Чэнь Шаньвань тоже опешил.

Но когда чёрные лепестки немного раздавились, и его органы чувств уловили горьковато-сладкий сок, он с жуткой ясностью услышал в своём сознании юный мальчишеский голос:

— Проглоти.

И Чэнь Шаньвань совершенно машинально так и сделал.

— Теперь загадай мне желание!

— За... загадать желание...?

— Только загадав мне желание, я обрету силу, чтобы защитить тебя.

— Какое желание загадать?

— Любое.

Лю... любое?

Чэнь Шаньвань посмотрел на директора, уже рассёкшую колючие ветви, затем на маленького братца, лицо которого исказилось от боли, и прошептал:

— Я хочу... чтобы всё вернулось, как было.

...

Воздух застыл на мгновение, юноша приблизился к Чэнь Шаньваню, и когда они оказались совсем рядом, он оставил лёгкий поцелуй на его лбу:

— Как пожелаешь.

В тот же миг он мгновенно превратился в бесчисленные колючие ветви, обвившие Чэнь Шаньваня.

И в тот же миг Чэнь Шаньвань почувствовал, что, возможно, не следовало загадывать это желание. Он рванулся вперёд, но рухнул в объятия колючих ветвей:

— Братец!..

Он услышал, как юноша, неизвестно к кому обращаясь, сказал:

— Достаточно и одного меня, верно? Ведь теперь, когда он поглотил моё сердце, ваши условия не могут быть выполнены, и он не станет богом.

— Я исполню его желание, сотру все ваши воспоминания, изменю их, а затем уйду с тобой.

— Оставь его. И ты... обращайся с ним хорошо. Если я узнаю, что ты заставила его страдать, чего бы мне это ни стоило, я превращу твою жизнь в ад.

...

А потом Чэнь Шаньвань всё забыл.

На следующее утро он проснулся в кровати, чёрная роза, стоявшая у изголовья, исчезла, и маленький братец, спавший рядом с ним, тоже пропал.

Он босиком выбежал в коридор и увидел, что мама-директор шла ему навстречу с неизвестным цветком в руках:

— Ваньцзай?

Она сказала Чэнь Шаньваню:

— Цветок у твоей кровати завял и в нём завелись черви, поэтому я его закопала под деревом, там, где детки раньше хоронили птичек.

Она протянула Чэнь Шаньваню цветок, который держала:

— Вот новый цветок, я сорвала его для тебя.

Чэнь Шаньвань не взял его, а лишь поднял голову и спросил:

— А где братец?

Директор склонила голову набок, её глаза на мгновение стали пустыми и безжизненными, но Чэнь Шаньвань ничего не заметил:

— Братец? За ним пришли его родные. Оказалось, он не сирота, просто потерялся. Он вернулся домой.

Чэнь Шаньвань закусил губу.

Директор снова протянула ему цветок:

— Может пойдёшь обуешься?

Чэнь Шаньвань покачал головой, одновременно кивнув:

— Мама, мне не нужен цветок.

Он опустил голову и тихо проговорил:

— Мне был нужен только тот цветок, даже если он испортился, другой мне не нужен.

Он и сам не знал почему, но в памяти образ маленького братца был не таким уж чётким, и, казалось, их пути не так сильно пересекались, однако он просто...

Чэнь Шаньвань посмотрел в окно и с недовольным видом пробормотал:

— И даже не попрощался.

.

Когда Чэнь Шаньвань проснулся, первое, что он почувствовал, — это адскую головную боль.

Затем чьи-то ледяные руки легли на его голову, кончики пальцев коснулись его висков и точки между бровей, а несколько пальцев опустились на макушку, словно массажёр, и начали разминать.

— ... Юй Суй.

Тело Чэнь Шаньваня на мгновение напряглось, но, вспомнив, кто это может быть, он вновь расслабился.

Он даже не потрудился открыть глаза, позволяя Юй Сую делать ему массаж.

Юй Суй опустил взгляд, в уголках его губ играла улыбка, он с удовольствием смотрел на Чэнь Шаньваня, движения его рук были несколько неумелыми, ведь «он» впервые делал кому-то массаж.

Но по мере того, как он продолжал, он постепенно освоил технику и приноровился.

Поскольку он знал, что Чэнь Шаньвань не спит, Юй Суй тихо спросил:

— Теперь лучше?

— М-м. — равнодушно ответил Чэнь Шаньвань, — А желание, загаданное тебе, нельзя отозвать?

Юй Суй, догадываясь, что тот, скорее всего, собирается предъявить претензии, сделал невинное лицо:

— А-Вань, у людей есть хорошая поговорка: «Сказанное, что пролитая вода*». К тому же, тогда ситуация была критической, у меня не было времени ждать, пока ты передумаешь.

* 覆水难收 (Shuō chūqù de huà jiù rú pō chūqù de shuǐ) - эта поговорка означает, что сказанное нельзя вернуть, как нельзя собрать обратно выплеснутую воду.

Но Чэнь Шаньвань, что было редкостью, занял позицию «не слушаю, не слушаю, черепаха бормочет сутры*» и продолжил:

— Взвалить всё на себя в одиночку, а затем заставить других забыть, что ты сделал, — это ведь так круто, да? Как настоящий герой, а?

* 闭目塞听 (Bù tīng bù tīng, wángbā niàn jīng) — это игровой сленг и ироничная поговорка, получившая популярность в китайских онлайн-играх и мемах. Она выражает намеренное игнорирование чужих слов, особенно если они воспринимаются как нудные, навязчивые, бессмысленные или раздражающие — как будто кто-то (метафорически — «черепаха») бубнит молитвы («читает сутры») без остановки.

Его тон был ровным:

— Кстати, тогда тебе тоже было всего шестнадцать, как раз возраст максимального отрочества.

Юй Суй замедлился.

«Он» едва не рассмеялся, но, глядя на такого Чэнь Шаньваня, «ему» всё больше хотелось поцеловать его, однако приходилось сдерживаться.

Иначе уровень раздражения Чэнь Шаньваня, несомненно, беззвучно подскочил бы ещё на несколько делений.

На этот раз Юй Суй не стал оправдываться, а безоговорочно признал свою вину:

— А-Вань, я был неправ, прости.

«Он» продолжал массировать голову Чэнь Шаньваня, одновременно склоняясь ниже, и даже непослушные колючие ветви осторожно обвили пальцы Чэнь Шаньваня, ласково и

заискивающе потираясь о них:

— Не сердись.

Чэнь Шаньвань бесстрастно парировал:

— Не трать время в пустую, возвращайся, иначе твоих шести часов не хватит, чтобы составить мне компанию за ужином.

Юй Суй замер.

«Он» смотрел на Чэнь Шаньваня, и в его голосе сквозило недоверие:

— А-Вань, ты не собираешься открывать мне дверь?

Чэнь Шаньвань посмотрел на него с каменным лицом. Он собирался что-то сказать, но слова застряли в горле, опережённые представшей перед ним картиной.

Потому что Юй Суй всем своим существом наполовину свешивался с изголовья его кровати, так что лишь верхняя часть его тела была видна, а остальная представляла собой колючие ветви.

Неизвестно, не ожидал ли «он» просто, что Чэнь Шаньвань откроет глаза, или же «он» просто перестал притворяться.

Так или иначе, для человека, некогда убеждённого материалиста, это зрелище было шокирующим — даже если бы он им не был, увидев такое в реальности, любой бы остолбенел.

Поэтому Чэнь Шаньвань на мгновение замолчал, и его грозная аура несколько поутихла:

— ... Не открою.

И именно поэтому его изначально холодно брошенные слова неожиданно приобрели оттенок капризного ворчания:

— Сиди себе дальше на своём шестичасовом лимите от погружения*.

* Фраза 防沉迷 (fáng chénmí) - буквально означает «предотвращение чрезмерного увлечения» или «система защиты от игровой зависимости». Это официальный термин, используемый в Китае для обозначения государственной антизалипательной системы, введённой для несовершеннолетних игроков.

Юй Суй всё же не сдержался.

«Он» рассмеялся, его грусть сотрясалась от сдержанного смеха, а руки, массиравшие Чэнь Шаньваня, замерли, превратившись в поглаживания.

«Он» похлопал Чэнь Шаньваня по голове и с чувством произнёс:

— А-Вань.

Словно предугадывая, что «он» собирается сказать, Чэнь Шаньвань опередил его, но их голоса прозвучали одновременно:

— Лучше бы ты заткнулся.

— Ты такой милый.

— ...

Юй Суй без колебаний решил отыграть назад:

— Что я только что сказал?

«Он» наивно моргнул и прикрыл ладонями уши Чэнь Шаньваня:

— Я ничего не говорил.

Чэнь Шаньвань: «...»

Он холодно смотрел на это «существо», уподобившееся страусу, прячущему голову в песок, и в конце концов душевная тяжесть и все те невыразимые тягостные чувства внутри него окончательно рассеялись.

Он поднял руку и сам положил свою ладонь поверх руки Юй Суя. Он ничего не произнёс, но этот жест говорил сам за себя.

Сердце Юй Суя дрогнуло, «он» опустился ещё ниже, нижняя часть тела медленно обрела человеческую форму, и даже одежда была соткана из колючих ветвей.

«Он» склонился над Чэнь Шаньванем, и осторожно коснулся его губ лёгким поцелуем.

Чэнь Шаньвань не уклонился.

Тогда дыхание Юй Суя прервалось, и даже сердцебиение, не принадлежавшее «ему», которое «он» украл у Чэнь Шаньваня, словно отделилось от него и замерло на мгновение.

Чёрные колючие ветви, не в силах сдержаться, поползли вверх, обвивая лодыжки Чэнь Шаньваня, поднимаясь к бёдрам и коленям, а Юй Суй проник в пространство между его губами.

Это был ещё один поцелуй, который начинался осторожно, но постепенно становился страстным и яростным.

Температура тела Юй Суя также в процессе этих укусов и захвата постепенно менялась с ледяной на обжигающую.

Чэнь Шаньвань знал, что «он» питается, но Юй Суй целовал его слишком глубоко и слишком жадно.

Вновь возникло то самое чувство, словно не можешь дышать, но на этот раз Чэнь Шаньвань не упёр ладони в плечи Юй Суя, пытаясь оттолкнуть «его», а вместо этого обвил руками его шею.

Словно человек, погружающийся в безбрежный океан, ухватился за обманчивый плавучий объект, замаскированный под водоросль, который океан специально подсунул ему.

За плавучий объект, что утянет его лишь ещё глубже.

<http://bllate.org/book/12897/1319837>